

ОБРАЗ ЛАТИНЯН И ЛАТИНСТВА В «ХОЖДЕНИИ ИГУМЕНА ДАНИИЛА В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ»

THE IMAGE OF THE LATINS AND LATINISM IN "WALKING ABBOT DANIEL IN THE HOLY LAND"

A. Melnikov

Summary. The article deals with the problems of perception of the image of Latins and Latins in the "Walking of Abbot Daniel in the Holy Land." "The walk of Abbot Daniel" is considered within the framework of the General perception of Latinism and Latins in the intellectual tradition of Ancient Russia of the XII century. Civilizational and hermeneutical-phenomenological approach, as well as methods of imagology and content analysis are used in writing. The task set in the article is realized by the method of content analysis of all references in the work about the Western European peoples and representatives of the elite of the Kingdom of Jerusalem, who can be considered Latins. In addition to direct indications of events related to the participation of "Latins", the General context of Daniel's pilgrimage is investigated. It is established that the "walking" of Daniel was not only a personal pilgrimage, but had the character of a diplomatic action aimed at establishing contacts between Russian princes and political forces of the crusaders. Participation in the "journey" took in addition to Abbot other notable persons from the various Rus principalities, Abbot also remembers the names of all the Russian princes, which is indicative of an all-Russian character of his mission. Abbot Daniel does not use a dualistic approach either when referring to Latins or when referring to Muslim Gentiles, noting that the political groups of crusaders and Muslims who were in a state of struggle did not cause any danger to his group. The perception of Latins and Latinism was favourably influenced by the cordial reception given to pilgrims by the authorities of the Kingdom of Jerusalem, at the same time some features of a negative attitude to the Catholic religion were noted, it was noted that the worship of Catholics is recognized as having no grace-giving power. In General, if we compare the image of the Latins in the "Walk of Abbot Daniel" with the Chronicles and polemic works of the first half of the XII century, it will be more complete and positive.

Keywords: Latins, Abbot Daniel, the Holy Land, Jerusalem, Baldwin I, fryagi.

Мельников Антон Валерьевич

*Аспирант, Нижегородский Государственный
Университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний
Новгород, Россия
ioa1372@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблематика восприятия образа латинства и латинян в «Хождении игумена Даниила в Святую Землю». «Хождение игумена Даниила» рассматривается в рамках общего восприятия латинства и латинян в интеллектуальной традиции Древней Руси XII века. При написании используются цивилизационный и герменевтико-феноменологический подход, а также методы имагологии и контент-анализа. Задача, поставленная в статье, реализуется методом контент-анализа всех упоминаний в сочинении о западноевропейских народах и представителях элиты Иерусалимского королевства, которые могут считаться латинянами. Помимо прямых указаний на события, связанные с участием «латинян» исследуется общий контекст паломничества Даниила. Установлено, что «хождение» Даниила не было только личной паломнической акцией, но имело характер дипломатического действия, направленного на установление контактов русских князей и политических сил крестоносцев. Участие в «хождении» принимали помимо игумена другие знатные лица из различных княжеств Руси, также игумен поминает имена всех известных ему русских князей, что свидетельствует об общерусском характере его дипломатической миссии. Игумен Даниила не использует дуалистический подход ни при упоминании латинян, ни при упоминании мусульманских иноверцев, отмечая, что находившиеся в состоянии борьбы политические группировки крестоносцев и мусульман не причиняли никакой опасности его группе. На восприятие латинян и латинства оказывали благоприятное воздействие радушный приём, оказанный паломникам со стороны властей Иерусалимского королевства, в то же время отмечены некоторые черты негативного отношения к католической религии, отмечено, что богослужение католиков признаётся не имеющим благодатной силы. В целом, если сопоставить образ латинян в «Хождении игумена Даниила» с летописными и полемическими сочинениями периода первой половины XII в., то он будет более полным и позитивным.

Ключевые слова: латиняне, игумен Даниила, Святая Земля, Иерусалим, Балдуин I, фряги.

Жанр «хождений» — путевых очерков — относится к одному из жанров древнерусской литературы, который наименее был связан с великокняжеской или официальной церковной политикой. Первым из подобного рода произведений было «Хождение игумена Даниила в Святую Землю». Хронологически оно датируется 1104–1107 гг., что определяется по составу лиц, с кем беседовал участник паломничества. Автор «Хождения...» игумен Даниила был современ-

ником Нестора, создавшего одну из редакций «Повести временных лет» в 1111 г. или 1118 г. В «Хождении...» географические сведения, имеющиеся в летописи, получают дополнение. Автор «Повести временных лет» мало общался с иноземцами и латинянами. В «Хождении...» можно найти гораздо больше персонажей и сюжетов, связанных с европейцами. Поскольку после завоевания Иерусалима прошло незначительное время, представители знати Иерусалимского королевства и другие фео-

дали новых крестоносных государств Палестины ещё в полной мере могут считаться «латинянами», идентичными, жившим в то время в Западной Европе.

В рассматриваемый нами период XII–XIII вв. «хождения» создавались авторами, имеющими отношение к Церкви. Их маршруты совпадали с основными направлениями странствий паломников из Руси. Наибольшей популярностью пользовался Константинополь. Паломничество в Святую Землю было гораздо более опасным и длительным. Игумен Даниил, в начале XII в. посетивший Иерусалимское королевство, ничего не написал про первую часть своего странствия, а именно, путь из Руси до Царьграда, т.е. этот маршрут, по его мнению, был хорошо известен и не нуждался в описании.

Целью нашего исследования будет изучение образа «латинян» — представителей Западной Европы, католиков по вероисповеданию и «латинства» — комплекса политических и религиозно-культурных особенностей представителей Западной Европы в лице крестоносцев. Для оценки коннотативной нагрузки образа «латинства», субъективного видения «латинян» необходимо провести анализ всех фрагментов, в которых упоминаются западноевропейские народы или отдельные представители латинян. Отношение автора «Хождения...» к латинянам и латинству складывалось под влиянием услышанного и увиденного во время путешествия и личного взаимодействия с ними. Отправляясь в странствие, игумен Даниил уже имел некоторое знание о католической «латинской» вере и народах Западной Европы. Он не оставил никаких философских заметок или рассуждений на этот счёт, поэтому мы не можем с точностью судить об образе латинян и латинства, который был у игумена Даниила до его паломничества. Можно предположить, что он был нейтрально-негативным, как у летописцев, типичным представителем которых был автор рассказа о выборе вер в «Повести временных лет».

Однако если летописцы сталкивались с инородцами и иноверцами опосредованно и больше полагались на свидетельства других, то игумен Даниил в своём труде описывал личные наблюдения. И если летописец в своих суждениях был достаточно осторожен, сверяя идеологическую корректность летописи с запросами светских и церковных властей, то игумен Даниил мог писать более открыто, как лицо, не входящее в круг политической элиты.

Сведения о личности игумена Даниила очень скудны. На основании топографических наблюдений автора: сравнения реки Иордан с рекой Сновь, упоминаний о карпе как рыбе, сходной с той, что по сюжету Евангелия, отловили апостолы, Б.А. Рыбаков считает Даниила выходцем из Черниговского княжества[1]. Кроме того, Рыбаков считает его автором «Повести о Шаруканском

походе 1111 года», которая была использована последним из редакторов «Повести временных лет». Н.М. Карамзин полагал, что игумен Даниил впоследствии стал епископом города Юрьев в одном из южных княжеств Руси и служил в этом сане в 1113–1122 гг.

Игумен Даниил посетил Святую Землю непосредственно сразу после завоевания Палестины крестоносцами. В ходе своего паломничества он выступал не только как частное лицо, но и как представитель русского духовенства. Паломничество игумена Даниила имело достаточно очевидный политический контекст. Он прямо указывает имена своих спутников — представителей политической элиты Киева и Новгорода, которые на момент паломничества уже фактически не имели единого управления. Однако тот факт, что группа во главе с Даниилом была составлена из представителей разных княжеств, свидетельствует о том, что в предприятии были заинтересованы едва ли не все княжества Руси. При упоминании своих действий в ходе паломничества Даниил отмечает, что приносил молитвы у Гроба Господня за князей Русской земли, не делая какого-либо исключения.

Несмотря на то, что первые Крестовые походы фактически были проигнорированы русскими летописцами и от 1096–1099 гг. не сохранилось известий о Крестовом походе и взятии Иерусалима крестоносцами, в русских княжествах, конечно, было известно о военно-политических изменениях на Святой земле.

Вероятно, миссия игумена Даниила заключалась, во-первых, в ознакомлении с Палестиной и христианскими святынями, а, во-вторых, в представлении русских интересов в регионе. Даниил должен был оговорить с новыми европейскими и оставшимися на некоторых территориях старыми арабскими властителями свободу и безопасность посещения Святой Земли русскими паломниками.

Исследование «Хождения игумена Даниила» не прекращалось на протяжении всего процесса развития российской и советской историографии. В разное время произведение исследовали Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, В.М. Истрин, Б.А. Рыбаков и многие другие. Первым исследователем, впервые изучившим «Хождение игумена Даниила» в научной исторической точке зрения был И.П. Сахаров [2]. Следует отметить, что вследствие сомнений относительно корректности его принципов работы, исследования «Хождения» игумена Даниила, проведённые автором, остались неволевыми. Полноценное издание «Хождения...», выполненное с учётом всех археографических требований было выполнено в 1880-е гг. под редакцией М.А. Веневитинова.[3] Также в это период было проведено новое источниковедческое исследование «Хождения...»

А. И. Пономарёвым [4]. Наиболее крупным современным специалистом в тематике ранних русских «Хождений...» является Е. И. Малето [5]. Как в имперский, так и в советский период изучение «Хождения...» игумена Даниила заключалось преимущественно в исследовании историко-географической и литературной значимости этого текста. Вопросы историко-герменевтического плана в силу неразвитости методологии не ставились.

Методология, используемая нами в работе, основывается на комплексе общегуманитарных и исторических методов. Целесообразно полагать, что именно в контексте истории ментальности и «лингвистического поворота» изучение «Хождения игумена Даниила» приобретает ещё более важное значение. Это произведение даёт колоссальный материал для изучения пространственно-временных и исторических представлений древнерусских писателей. Прежде всего, «Хождение...» предоставляло отличную возможность для сравнительно-исторических исследований в области взаимоотношений России и Запада, что в своей статье отлично продемонстрировал А. С. Демин [6]. С точки зрения изучения представлений о времени в древнерусской литературе «Хождение игумена Даниила» рассмотрела в своей статье Е. В. Иванова [7]. Ментальный аспект изучения этого текста представила в своей работе О. В. Коржовская [8]. Текстологические исследования и анализ влияния различного рода библейских, и, особенно, апокрифических текстов представлены в исследовании Фёдоровой И. В. [9]

Комплексное изучение «Хождения игумена Даниила» ещё далеко не окончено. В нашем исследовании это произведение важно прежде всего тем, что в нём образы латинян представлены гораздо более подробно и достоверно, чем в «Повести временных лет», автор которой, как и его предшественники, не имели аналогичного опыта взаимодействия с представителями латинской Европы. Если в «Повести временных лет» мы не видим ни одного персонифицированного представителя «немцев» или «латинян», то в «Хождении игумена Даниила» представлены сразу несколько персонажей европейцев, прежде всего, король Иерусалима Балдуин I. Кроме того, «Хождение...» является важным источником по истории политико-дипломатических отношений Руси. Так через некоторые замечания автора можно удостовериться в том, что его миссия имела помимо религиозного дипломатический характер и должна была способствовать установлению отношений русских князей с крестоносцами как новыми владельцами Святой Земли. Характерно, что игумен Даниил пишет, что был принят достаточно благосклонно, и выполнение порученной ему дипломатической миссии не вызвало каких-либо затруднений.

Вместе с «Повестью временных лет» и «Стяжанием с латиною» митрополита Георгия «Хождение игумена

Даниила» образуют комплекс источников, представляющих целостную картину восприятия латинства в древнерусской интеллектуальной среде первой половины XII в.

Игумен Даниил не был первым русским, совешившим столь отдалённое путешествие. Так С. Раффенспергер [10]¹⁰ полагает, что в Древней Руси были известны многие торговые маршруты, причём ещё в догосударственную эпоху VIII–IX вв. были хорошо налажены контакты с исламским миром через земли Хазарского каганата. Распад единого Халифата и Хазарского каганата, вторжения кочевников и установление более тесных контактов с варягами и Византией привели к переориентации русской торговли на Европу. Вместе с тем, не были утрачены и представления о странах Востока.

В своём «Хождении...» игумен Даниил акцентирует внимание, прежде всего, на географии святых мест. Благодаря его произведению на Древнюю Русь могли попасть многие ветхозаветные библейские сюжеты, которые не были ещё переведены на древнерусский язык в богослужебных текстах. В целом, в «Хождении игумена Даниила» использован большой круг источников: библейские сюжеты, сведения из апокрифических произведений, устные предания и легенды, которые в ходе паломничества были рассказаны ему и его спутникам проводниками.

Паломничество игумена Даниила осуществлялось от лица всей Руси, поэтому паломники позиционировали себя не только как богомольцы, но и как представители дипломатической миссии. При этом очевидно, что они старались сохранять подчёркнутый нейтралитет по отношению ко всем действующим сторонам конфликта: благожелательные отношения поддерживались со всеми местными властями, которые в обмен обеспечивали безопасность паломников от разного рода случайных набегов и грабежей со стороны сарацин, которые постоянно происходили в ряде местностей.

Большая часть упоминаний о латинянах связана с географическим и политическим контекстом. Впервые представители Запада упоминаются при описании интерьера храма Воскресения Христова в Иерусалиме.

«Вверху же над пещеркой сделан красиво теремец на изящных столбах, верх его кругл, покрыт серебряными чешуями, позолоченными. Наверху этого теремца возвышается изваяние Христа, сделанное из серебра в рост человека и даже более, и это сделали франки, латиняне.»¹ Таким образом, игумен Даниил, который живо интересовался церковным убранством и, по-видимому, неплохо разбирался в вопросах архитектуры и храмово-

¹ Здесь и далее цитаты приводятся из книги «Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М. Советская Россия. 1984».

го зодчества, отметил высокий уровень мастерства западных мастеров. Причём для него тот факт, что статуя Христа была сделана руками не православных, а католических мастеров, нисколько не умалял достоинства самого произведения искусства. Даже сама скульптура как форма почитания игуменом не осуждается.

Латиняне вскользь упоминаются в описании города Акра и Капернаум. В другом месте Акра упоминается как укрепленный форпост латинян. Капернаум, который был осуждён Христом в Евангелии, был оставлен латинянами.

Кроме того, упоминается «католический монастырь» на горе Фавор. В этом монастыре Преображения паломники из Руси были встречены радушно. «В монастыре Преображения нас гостеприимно приняли...».

Из латинян упоминается король Иерусалима Балдуин I. При этом игумен Даниил тесно взаимодействовал с ним несколько раз: во время его похода на Дамаск, а также во время схождения благодатного огня в Иерусалим. «Пошел иерусалимский князь Балдуин I со своими крестоносцами на войну к Дамаску... Тогда князь с радостью великой повелел мне пойти с собой и нарядил меня к своей личной охране» (о Галилее и озере Тивериадском). Очевидно, король Балдуин I предпринял некий военный поход против мусульманских сил в округе Дамаска, но это не остановило игумена Даниила, который счёл вполне нормальным совершить паломничество по местам в районе Тивериадского озера вместе со свитой иерусалимского короля. При этом спутники Даниила, по-видимому, не высказали протестов на этот счёт, хотя как люди влиятельные и объединённые лишь в рамках паломнической миссии, они вполне могли это сделать. В свою очередь, король Иерусалима Балдуин I был заинтересован в росте своего международного престижа и признании своего высокого статуса во всём христианском мире, поэтому оказывал паломникам из Руси подчёркнуто дружественный приём. Впрочем, Даниил ничего не написал касательно того, что в походе делали король и его спутники, поскольку описывал только то, что видел сам.

Второй раз встреча игумена Даниила и короля Иерусалима состоялась в Иерусалиме в Страстную пятницу накануне схождения благодатного огня. Игумен Даниил обратился к королю с целью зажечь лампаду благодатным огнём «от лица Русской земли». «Он же, увидев меня, худого, подозвал к себе с любовью и спросил: «Что хочешь, игумен русский?» Он хорошо знал меня и очень любил, был он человеком добродетельным, очень скромным и ничуть не гордился. Я же сказал ему: «Князь мой, господин мой, прошу тебя ради Бога и князей русских, разреши, чтобы я поставил свое кадило на святом гробе от всей Русской земли». Тогда он милостиво и любовно разрешил мне поставить кадило на гробе Господнем...».

На следующий день, в Великую Субботу игумен Даниил в числе многочисленных паломников был свидетелем схождения благодатного огня в Иерусалиме, причём он был одним из первых очевидцев, начиная с IX в., кто оставил письменные свидетельства об обстоятельствах этого чуда. При описании процесса схождения огня Даниил не мог не описать действия короля, который являлся непосредственным участником процесса. «Тут и сам король Балдуин стоит со страхом и великим смирением, из глаз его чудно проливаются слезы. Также и воины его стоят около самого гроба, близ великого алтаря, стоят со смирением». Как мы видим, для игумена Даниила основным показателем набожности является благочестие человека, а не принадлежность его к той или иной церкви.

«Тогда и он поклонился игумену и всем монахам и повелел игумену монастыря Саввы и мне, худому, близ себя пойти, а другим игуменам и всем монахам повелел перед собой пойти, а войскам своим повелел сзади пойти. И пришли в церковь Воскресения к западным дверям. И множество людей обступили двери церковные, и не могли тогда в церковь войти...». Несмотря на то, что Иерусалим находился под властью католиков, те допускали присутствие православных клириков, которые в свою очередь, не считали зазорным присутствовать на католическом богослужении.

«Католические попы в великом алтаре стояли. И как наступил восьмой час дня, начали вечернюю службу вверху гроба попы православные, были тут и все духовные мужи, и многие пустынноики. Католики в великом алтаре начали верещать по-своему». Описываемые Даниилом события уникальны, поскольку сохранилось очень немного свидетельств о проведении параллельной службы католиками и православными в пределах одного храма. В более поздние времена подобное действие было просто невысказуемо.

«Зажглись тогда и три кадила, как сообщил нам эконо и ключарь. Оба они сказали: «Только три кадила тогда зажглись, а пять кадил, висящих над гробом, зажглись позже». Свет этих кадил не такой, как трех кадил нижних, которые светились изрядно и чудно». В этом отрывке игумен Даниил подчёркивает, что благодатный огонь сходит, прежде всего, на кадила православных церковей и уже потом — на кадила католиков. В этом сюжете, возможно, скрыта аллегория на притчу о десяти девах, встречавших Жениха (Мф. 25:1–13). Чуть выше игумен писал, что католические кадила не загорелись вовсе, теперь он отмечает, что кадила всё же затеплились, но позже и не таким огнём, как у православных. Выражение, что «попы заверещали по-своему» говорит о том, что молитвы католиков безблагодатны. Впрочем, ни в этом отрывке, ни в каком-либо другом месте игумен Даниил не называет католиков еретиками или иными словами в негативном контексте.

Некоторый намёк на антилатинскую полемику можно встретить и в сюжете, посвящённом описанию места, где произошла встреча Авраама и Мелхиседека, описанная в Книге Бытия и Псалтири (Быт. 14:18, Пс. 109:4). «Мелхиседек вышел, вынес хлеб и вино, устроил жертвенник в пещере, сотворил хлебом и вином жертву, и тотчас же жертва была взята на небо к Богу... С этого и началась служба хлебом и вином, а не пресным хлебом. Об этом пророк говорит: «Ты священник на века по установленному Мелхиседеком порядку» (о пещере Мелхиседека). Пояснение, что со времён Мелхиседека началась служба не на опресноках, а на хлебе и вине очень гармонично согласуется с одним из главных обвинительных тезисов византийской полемики против латинян, где им в вину ставится служение на опресноках. Скорее всего, соответствующий комментарий был записан игуменом Даниилом со слов их проводника, который придерживался византийской точки зрения по вопросу о порядках богослужения.

Вся Святая Земля, Палестина предстаёт в «Хождении игумена Даниила» как местность, не имеющая чёткой политической системы управления, где одни поселения принадлежат латинянам, франкам, фрягам (у игумена Даниила эти понятия синонимичны), другие заняты иноверцами-мусульманами. Ряд территорий опасны для посещения из-за ведущихся боевых действий или частых грабежей. Иногда для предотвращения нападения сарацинских грабителей игумену Даниилу предоставляли охрану даже мусульманские князьки. Во всяком случае, ни в одном поселении отряд из Руси не подвергся нападению или какому-либо иному негативному воздействию.

История последующих веков представлена очень скупо: отмечается, что ряд городов, которыми раньше владели сарацины, были отбиты латинянами. Кроме того, упоминается, что собор Вознесения Христова — мечеть Омара, была построена арабским правителем Омаром. Сложность для автора представлял географический рельеф местности — засушливые территории, крутые и каменистые горы, которые были непривычны для русских паломников.

Подводя итог своим наблюдениям, игумен Даниил пишет, что «не видели нигде ни поганых, ни лютых зверей и никакого зла» (о Иерусалиме).

В заключение, необходимо вывести основные черты образа латинян в «хождении игумена Даниила». 1) Близость к православным. Латиняне признаются членами христианской семьи народов, хотя неоднократно отмечается их принадлежность к чуждой церкви, не имеющей благодати Божией. 2) наличие четкой политической организации. Так, при описании мусульман не упоминается титулатура, а при описании латинян описывается структура Иерусалимского королевства, впервые в древнерусском языке появляется понятие «король». 3) Готовность к сотрудничеству. В «Хождении...» латиняне предстают как открытые к взаимодействию люди, с которыми можно вести продуктивный диалог в интересах русских паломников и княжеств в целом.

«Хождение игумена Даниила» раскрывает образ латинян с точки зрения непосредственного наблюдателя, что особенно важно для исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. 1963, С. 121–124
2. Сахаров И. П. Путешествие игум. Даниила по святым местам в начале XII столетия // Путешествия рус. людей в чужие земли. СПб., 1837. Ч. 1. С. I–XIX.;
3. Памятники литературы Древней Руси. XII век. Житье и хоженье Даниила Руськыя Земли игумена. 1106–1108 гг. Под ред. М. А. Веневитинова. — Православный палестинский сборник, т. I, вып. 3, кн. 3. СПб., 1883; т. III, вып. 3, кн. 9. СПб., 1885, с некоторыми исправлениями по изданию: М., 1980.
4. Пономарёв А. И. К истории древнерусской письменности и литературы: Игум. Даниил и его «Хождение» в Св. землю // Странник. 1880. Дек. С. 467–492.
5. Малето Е. И. Даниил Паломник // Новая российская энциклопедия. М.: Энциклопедия, 2008. — Т. V. Ч. 1. — С. 435.;
6. Демин А. С. Хождение игумена Даниила в Иерусалим (опыт комментария на тему «Россия и Запад»)//Герменевтика древнерусской литературы. 1995. № 8. С. 62–69.
7. Иванова Е. В. Наименования расстояний в «Хождении игумена Даниила» и «Хождении за три моря» Афанасия Никитина.//Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 388–392.
8. Коржовская О. В. Формы выражения авторского сознания в «Хождении игумена Даниила» В сборнике: Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии Материалы международной научной конференции. 2013. С. 179–181.
9. Федорова И. В. К вопросу об апокрифах в «Хождения игумена Даниила»//Slověne. 2015. Т. IV. № 1. С. 526–540.
10. Raffensperger C. Reimagining Europe: Kievan Rus in the Medieval World. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. London, England, 2012. 318 p.

© Мельников Антон Валерьевич (ioa1372@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»